

Шаттыяна Тарасимова

ЛЮБОВЬ? А ЧТО? А ВДРУГ!

16+

Татьяна Герасимова

Любовь? А что? А вдруг!

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Герасимова Т.

Любовь? А что? А вдруг! / Т. Герасимова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга состоит из семи маленьких рассказов. Все рассказы о любви. Точнее о счастливых моментах первых встреч, о моментах зарождения чувства влюбленности. Люди встречаются в самых разных местах, каждый из них в этих местах бывал десятки раз и ничего не происходило. И вдруг, что-то меняется в окружающем мире, навстречу идет человек и этот человек твой. Эти встречи неслучайны, так как именно этот человек заставляет другого остановиться, посмотреть вокруг и изменить всю свою жизнь, пойти в другую сторону рядом с другим человеком. И чувствовать и понимать, что это человек твой.

Содержание

Аве Мария...	5
Любовь, похожая на сон...	11
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Татьяна Герасимова

Любовь? А что? А вдруг!

*"И сердце вновь горит и любит – оттого,
Что не любить оно не может".
А. С. Пушкин*

Аве Мария...

Самолет стал набирать высоту и вдруг в салоне раздались чарующие звуки: «Аве Мария...» Франца Шуберта.

Я вздрогнула, привстала с места, и полная какого-то суеверного волнения, стала оглядываться по сторонам. Рядом со мной сидели двое мужчин, впереди, сзади, везде, насколько я смогла охватить своим взором, сидели только мужчины. На их лицах было выражение торжественности и отрешенности от всего земного. Они пели... Когда мы регистрировались и проходили на посадку, мне бросилось в глаза, что вокруг много мужчин. Мужчин среднего возраста, то есть не молодых, не старых. Они тихо переговаривались и «кучковались» небольшими группками. Такое впечатление, что все они были между собой знакомы. Я удивилась, но поскольку я летела одна, свое удивление я отнесла на счет излишней с моей стороны подозрительности и занялась самыми обычными для пассажира делами. Начала с DutyFree. Перебрала, наверно, десяток флаконов с духами. Нанюхалась до такого состояния, что все духи мне стали казаться одинаковыми. Так, что купила не по запаху, а по форме. Красивый флакон определил мой выбор. Затем отправилась пить кофе с пирожным. Я вообще то люблю пирожное «Картошка», но именно сегодня мой выбор остановился на пирожном «Эстерхази». Почему? Для меня это загадка. Обычно я не меняю свои пристрастия, остаюсь верной раз и навсегда избранному. А тут, вдруг мой взгляд остановился на «Эстерхази». Ну, раз остановился, так тому и быть. Очень вкусно! Недаром его называют гордостью австрийской кухни. Ну, и все. Съела и съела.

В поместье графа Эстерхази Франц Шуберт появился незаметно, приехав вечером в маленьком экипаже. На улице шел дождь, было темно и душно. Дорога утомила его, и у него было одно желание – отдохнуть. Однако, граф решил по-другому. Зная, как семья ждет обещанного музыканта, граф распорядился собрать всех членов семьи и пригласить Шуберта для того, чтобы познакомиться, а за одно, и устроить маленький музыкальный вечер.

Семейство графа быстро собралось в маленькой гостиной, не было только младшей дочери Каролины. Шуберт подошел к роялю, и музыка наполнила весь дворец. Жена графа, красавица Розина, пропела две-три музыкальные фразы, граф подхватил конец одной из них. Он пел басом. Получилось очень красиво и торжественно. В этот момент распахнулись двери и в гостиную вбежала очаровательная девочка и тут же пропела своим нежным детским голоском то, что только, что пели ее мать и отец. Все рассмеялись, граф чопорно представил свою младшую дочь новому учителю музыки. Шуберт, встав из-за рояля, раскланялся, а маленькая графиня, присев в реверансе, зардевшись, во все глаза смотрела на него. Кто знает, может быть она поняла, что это и есть тот человек, который скоро займет все ее мысли и чувства.

Вечер подошел к концу, все разошлись по своим комнатам. Маленькая Каролина долго не могла уснуть. Музыка не давала ей спать, она звучала в ее голове и будоражила ее воображение.

В самолет я вошла одна из последних. В нашей хвостовой половине самолета оказалось две женщины, двое детей и их отец, а остальные пассажиры были мужчины (отец не в счет, то есть он, как бы, не мужчина, так как одна из женщин была его женой, а двое детей были

его детьми. А вторая женщина была я.) Не пугайтесь, самолет был маленький (Boeng 737-500), по моим дилетантским подсчетам, всего то человек на сто, а в нашей хвостовой половине, ну, человек сорок не больше.

Пробираясь по проходу в самолете, я оказалась под пристальным вниманием 40 пар мужских глаз. Они посматривали на меня, улыбались, и предлагали свою помощь в нахождении места. Это меня смущало, и я пыталась ускориться, но все-таки оглядывалась по сторонам – не часто можно встретить такое количество мужчин одновременно. Однако я никак не могла на ходу выделить кого-то из этих мужчин, рассмотреть и запомнить. Они казались мне все на одно лицо.

Впереди меня по проходу пробирался молодой человек. Невысокий рост, тонкая талия, широкие плечи – типичная фигура современного молодого качка, да еще и длинные, почти до талии, волосы с тщательно закрученными концами, такое впечатление, что он всю ночь спал на бигуди, как это делают женщины. Добравшись до своего места раньше меня, он легким движением снял куртку и повернулся ко мне лицом, скорее всего он просто оглядывал всех, кто находился в самолете. Увидев мое несколько ошарашенное лицо, он улыбнулся. Его глаза превратились в забавные щелочки, а у меня на сердце потеплело, как будто я встретила доброго старого знакомого.

Каждый день во Дворце начинался с урока музыки. Домочадцы собирались в большой гостиной, рассаживались полукругом у рояля, Шуберт входил в условленное время легким шагом. Смущаясь приветствия собравшихся, быстро садился за рояль. И Дворец наполнялся музыкой, она перетекала из комнаты в комнату, заполняя каждый уголок.

Между Шубертом и Каролиной установились легкие отношения влюбленности маленькой девочки в своего учителя. Она по-детски впитывала в себя все, что говорил и играл ее учитель.

Францу Шуберту, в то время, было 19 лет. Вырвавшись из-под опеки отца, получив долгожданную свободу и самостоятельность, он полностью погрузился в музыку, в сочинительство песен, сонат и симфоний.

Каролина была первой слушательницей всех его произведений. Сочинив очередную песню, Шуберт уединялся с Каролиной в маленькой гостиной, где они пели эту песню на два голоса, что-то меняли или дополняли по желанию маленькой принцессы. И только потом, спустя день-два, эту песню уже могли послушать домочадцы.

Устроившись на своем месте, оно оказалось около окна, я оглянулась по сторонам.

– Не хотите с нами за взлет? – раздался справа приятный мужской голос.

Поворачиваюсь и вижу, что один из мужчин держит в руках распечатанную шоколадку, а другой, низко склонившись к полу, чтобы не видела стюардесса, откупоривает бутылку коньяка. Скорее всего, они тоже, не теряя время даром, в ожидании нашего рейса, также, как и я, посетили DutyFree.

Стаканчиков или чашечек не было и они, улыбаясь, протянули мне крышечку от бутылки коньяка.

– Пятнадцать капель (столько вмещает крышечка) крепкого напитка, не помешает перед взлетом, – воскликнул один из соседей. Я засмеялась и подхватив крышечку двумя пальца и чокнулась с соседями, которые подняли откупоренную бутылку.

Ароматный глоток коньяка настроил меня на лирический лад и пока мужчины и не только те, которые сидели со мной рядом, произносили какие-то тосты и выпивали за взлет, стала размышлять о том, почему в самолете так много мужчин.

Мои измышления по этому поводу не увенчались успехом. Я не могла определить их статус, ну, то есть, кто они, кем работают. Не было ничего особенного, что могло выделить их из общего числа людей или, точнее, мужчин. Одежда, прически – все самое обычное.

Я решила просто спросить их, что называется «в лоб». Но мне показалось, что сейчас не очень удачный момент – самолет начал взлет.

И вдруг, тот, кто пробирался со мной по проходу в самолете, привстал в своем кресле, быстро и зорко окинул взглядом нашу половину самолета, и взмахнул руками... И, что вы думаете, все мужчины, моментально подтянулись, собрались и ... запели.

Возвышенная мелодия «Аве Мария», которая уже почти два века возносит, всех, кто слушает ее, в мечты о чем-то не земном, прозвучала в самолете, как нечто нереальное, потусторонне и мистическое.

Мне стало страшно. У меня побежали мурашки по спине. Я забыла все. Куда лечу, зачем, что хотела спросить у соседей... Я завертелась и беспокойно закрутила головой, переводя взгляд с одного мужского лица на другое. Но никак не могла запомнить ни одно лицо, вернее, все поющие мужчины казались мне на одно лицо. Почему так? Ах, я поняла! Это были не мужчины, это были певцы! И то, что они пели неземную музыку Шуберта, еще больше подчеркивало их нереальность, их как бы не было, были только их голоса.

Самолет, тем временем, набрал высоту. Чтобы успокоиться, я посмотрела в окно. За окном самолета – белые, пушистые облака. Красиво! А над облаками? Бесконечность.

Что же мне делать: все, все, что было вокруг меня, было нереально – бесконечность небес, лица соседей и их голоса.

– Вы испугались?

Я вздрогнула и резко повернулась на голос. В проходе, наклонившись ко мне, стоял тот самый мужчина, с которым мы пробирались по проходу в самолете.

Посмотрев мне в глаза, он наклонился ниже, собираясь, что-то мне сказать, и его длинные волосы коснулись моей руки. Я опять вздрогнула и резко отдернула руку. Он засмеялся. И тихо сказал: «Ну, что Вы? Это просто мужской хор, собранный из лучших певцов Москвы, который летит в Болгарию для участия в конкурсе».

Лето пролетело быстро, оно было наполнено солнцем, теплом и музыкой. Шуберт возвращался в Вену. А маленькая девочка оставалась в Эстерхази.

Перебирая рукописные ноты произведений Шуберта, она вспоминала жаркое лето и музыку, доносящуюся из открытых окон дворца, с грустью понимая, что вряд ли когда-то встретится вновь со своим учителем.

– Я сяду рядом, Вы не против?

Он поменялся местом с моим соседом и сел со мной рядом, задумчиво посмотрел на меня. Мне опять стало не по себе. Рядом сидел странный человек, да, и человек ли он был? Одному его взгляду или взмаху рук подчинялось сорок мужчин, даже не мужчин, это я опять как-то не так выразилась. Такое впечатление, что он управлял их голосами. И голоса эти, после взмаха его рук, становились неземными.

– А я Вас помню, – вдруг тихо сказал он.

Я пожала плечами и придвинулась вплотную к окну. Но сразу одернула себя. За окном – бесконечность, я не смогу найти там защиту и опору, надо надеяться только на себя. Я отодвинулась от окна и встряхнула головой: «Меня? Мы с Вами не знакомы! Я никогда Вас не видела и не слышала. Вы ошиблись».

– А я помню. Одно время Вы очень часто бывали в консерватории. Причем проходили туда с заднего хода. С Вами был молодой человек, он смотрел на Вас с восторгом, а в руках у него почему-то всегда был японский зонтик, не закрытый до конца.

Я вздрогнула, повернулась к нему и внимательно посмотрела в его глаза. Серо-голубые глаза смотрели серьезно, было понятно, что он не шутит.

Его слова заставили меня вспомнить очень давний эпизод из моей жизни. Я усмехнулась.

– Он был чудак. Японским зонтиком он просто хвастался. Его отец преподавал в консерватории, и поэтому нас пропускали туда бесплатно. – сказала я.

У меня перед глазами, как яркая вспышка, пронеслись воспоминания тех лет. Мы поднимаемся по бесконечной лестнице черного ходана самый верх Большого зала консерватории. Я в прискок бегу впереди, а мой сопровождающий пытается меня догнать и удержать за руку. И, как бы невзначай, чмокнуть куда придется. В руку, плечо и даже в щеку. Я уклоняюсь от него, и, перескакивая через две ступеньки, мчусь дальше. Наверху жарко и душно, но все хорошо слышно и видно. Балкон в консерватории устроен так, что ты, находясь на нем, как будто паришь над всеми остальными. На этом балконе собиралась молодежь. Попадая в консерваторию в последующие годы, я всегда оглядывалась назад и пристально рассматривала галерку. Какого-то искала? Может быть...

– Как Вы узнали про это?

– Я учился в консерватории и тоже приходил на самый верх послушать музыку.

– Я Вас не помню.

– Не мудрено. Помимо музыки, которую Вы слушали увлеченно, был еще и поклонник Вашей красоты. Ему тоже надо было уделять внимание.

– Увы, этот поклонник интересовал меня, пусть Вы сочтете меня меркантильной, но я, все равно, скажу, как возможность попасть бесплатно на концерт.

– Вот, как? Ха-ха! А я Вас запомнил в первый же раз. И сказал себе, что, увидев во второй, обязательно познакомлюсь. Но так и не решился.

– А потом?

– Потом Вы исчезли. Что с Вами случилось?

– Ничего. Я не помню. Наверно, появилось новое увлечение, – со смехом ответила я.

Перед глазами опять пронеслись, как кадры из фильма, воспоминания тех давних лет. Я улыбнулась.

На нашем факультете появился новый студент – красивый, высокий и со своей маленькой машинкой. На этой машинке мы, ну, наверно, человек восемь одновременно, после лекций отправлялись в кафе отмечать успешно прожитый день. Отмечали мороженым, но ведь не в этом дело! Было шумно и весело. А потом... Потом он пригласил меня в консерваторию. На нем был серый костюм, светлая рубашка и классные ботинки. Места в партере. Все было так помпезно! И совсем не похоже на наши музыкальные вечера на галерке. Но это уже совсем другая история.

Вы внимательно и пристально рассматривали меня. Не могу сказать, что взгляд был тяжелый, но под этим взглядом я вернулась из своих воспоминаний и спросила: «А с Вами?»

– Я с Дальнего Востока. Отучился и уехал домой. А Вас я вспоминал долго. Даже на улице оглядывался, все искал и думал, если встречу, уж в этот раз не отпущу. Подойду, возьму за руку и все.

Он взял меня за руку. У него была тонкая рука с длинными пальцами. И хотя, он только слегка прихватил мою руку, я почувствовала силу его пальцев.

Прошло шесть лет. И Шуберт вновь оказался в поместье Эстерхази. Маленькая девочка выросла. Ей исполнилось 19 лет. Она была в полном расцвете молодости и обаяния. Увидев ее, «бедный музыкант» влюбился по уши.

Круг замкнулся! Первая встреча – 19 лет Шуберту, вторая – 19 лет Каролине! Любовь ли это или увлечение? Кто может определить это сейчас? Но ведь чувство влюбленности посещает нас только тогда, когда рядом с нами человек, который предназначен только нам!

Я попыталась высвободить свою руку, но он сжал пальцы, и моя рука осталась в его ладони.

– Что Вы хотите услышать, нет я неправильно задал вопрос, что Вы хотите, чтобы мы спели для Вас?

– Вы певец или музыкант?

– Я? Я немного пою. Немного играю. Вообще-то я органист.

– А здесь? Среди «лучших певцов Москвы»? Вы дирижер?

– Нет, нет! Я просто руководитель и организатор.

– Органист – это, на мой взгляд, очень серьезно.

– А Вам нравилась органная музыка, я помню. Вы слушали Баха замерев и не отрывая взгляд от сцены.

– Да. Я помню! Мы сидели на самой «верхотуре», и органист казался маленькой точкой. И этот маленький, маленький человечек на сцене заставлял весь огромный зал замереть, не дышать и впитывать в себя его музыку.

– А Ваш ухажер, вертелся, ему, явно, не сиделось на месте. И смотрел он совсем не на сцену, а на Вас.

Я засмеялась: «Вы помните такие подробности!»

Она встретила его с восторгом. Каждый день, проведенный вместе был наполнен музыкой и общением. Произведения Шуберта трогали Каролину глубоко и сильно. Вечерами они подолгу гуляли в саду и могли говорить часами. Она восхищалась его музыкой, а он ее красотой.

Какое для Шуберта было счастье, играя на фортепьяно в четыре руки, как бы случайно касаться рук Каролины. Она вздрагивала, щеки ее загорались румянцем, не переставая играть и не поднимая глаз, переноса руки на соседнюю октаву, она тоже, как бы невольно, касалась рук Шуберта. Шуберт замедлял темп игры и затаивал дыхание, щеки его рдели румянцем, а все домочадцы отводили глаза.

– Ну, что же Вам спеть? Хотите про Сибирь? Про могучие реки, про непроходимые леса?

– «Сказание о Земле Сибирской»?

– Вы помните этот фильм и музыку Николая Крюкова?

– Музыку помню, но, что это Крюков – нет. Извините.

– Да, что Вы! Вы же не профессионал. А кто Вы?

– Ой, лучше спойте мне, что-нибудь на Ваше усмотрение, пожалуйста.

– «Ревела буря, гром гремел...»

Для меня действительно прогремел гром! В самолете, в этом замкнутом пространстве прогремел гром голосов, красивых мужских голосов. Да, с акустикой здесь было плоховато, но в замкнутом пространстве самолета сила звука была такова, что хотелось закрыть ладонями уши, чтобы не лопнули барабанные перепонки. Голоса были такой силы, что проникали внутрь и доходили до самого сердца. Или это мне только казалось?

Тот, кто сидел со мной рядом, вступил на втором куплете. Когда он запел, все, певцы понизили силу звука, и он пел, практически, один. У него был красивый баритон. Такой голос может очаровать!

Взмах руками и все замолчали. Пел только он один. Он пел в пол голоса, наклонившись к моему уху, и иногда, как бы, невзначай, касался моих волос губами. Я каждый раз вздрагивала и пыталась уклониться от него, щеки мои горели румянцем. Он виновато улыбался, замолкал, а через некоторое время склонившись ко мне опять начинал петь.

– Вы придете послушать меня?

– На Сахалин, в Хабаровск? Или еще куда-то?

– Нет. Я давно живу недалеко от Москвы. В консерваторию. В Вашу любимую консерваторию.

– Забраться на самый верх, видеть, что на сцене находится маленький человечек и думать, что это Вы?

– Я буду играть для Вас. Чтобы Вы хотели услышать?

– Я не могу сказать. Я любую музыку, слушаю с восторгом и любопытством. На мой непросвещенный взгляд, любое музыкальное произведение – это рассказ о переживаниях, о жизни, о любви.

Но чувству влюбленности и взаимного интереса, не суждено было перерасти во что-то более глубокое. Простой музыкант, известный только в кругах венской молодежи и музыкантов, не мог рассчитывать на расположение семьи графа Эстерхази. Но все, что он сочинял, носило отпечаток этой юношеской, чистой и пылкой любви. Каролина была и оставалась его Музой.

– Мы в Болгарии будем неделю, всего одну неделю. Мой концерт состоится через две недели. Вы вернетесь к тому времени?

– Да, я еду всего на десять дней. Мы с подругой едем на горнолыжный курорт.

– Как горнолыжный курорт? – он засмеялся – сейчас лето, да, там и снега нет!

Я тоже рассмеялась, и со смехом сказала:

«Да, нет! У нас есть друг, который купил себе квартиру в Болгарии, в горах, чтобы не зависеть от проблем с жильем в сезон и кататься на горных лыжах, когда вздумается. Сейчас лето и эта квартира свободна, он дал нам ключи, вот и все».

– И, что Вы там будете делать? А море? Вы и море не увидите?

– А Вы и Ваш хор, где будет выступать?

– В Софии. Вы правы, у всех свои дела и проблемы. В Софии тоже нет моря!

Мы рассмеялись. И тот ледок, который был между нами немного подтаял!

Вот и посадка. Мужской хор «лучших певцов Москвы» пропел несколько жизнеутверждающих музыкальных фраз, стал собираться и потянулся к выходу. Выбравшись из самолета на трап, я оглянулась вокруг. Был вечер, но в воздухе чувствовалось жаркое лето. На последней ступени трапа, он подхватил меня за руку и повел между выстроившимися в две шеренги мужчинами – «лучшими певцами Москвы», которые прощались со мной почти, как с давней знакомой.

– Счастливо!

– Всего хорошего!

– Рады познакомиться!

– Приходите на концерт!

Это смутило меня, я не могла вымолвить ни слова, только улыбалась и улыбалась, наверно, глуповато. Заметив мое смущение, он развеселился и наклонившись, тихо сказали: «Смущение Вам к лицу!» После этого, я просто не знала куда деваться.

– Да, ладно, простите, что не так. Я просто очень Вам рад!

На прощание он поцеловал мне руку и сказал, что закажет мне билет на свой концерт и выберет самое лучшее место

– Вы придете? Я буду играть для Вас.

Я не ответила ни да, ни нет.

Спустя много лет в архивах Каролины Эстерхази были найдены рукописные ноты многих известных и неизвестных произведений Шуберта с посвящением: «Каролине», засушенные цветы и луговые былинки...

Она пронесла эту любовь через всю жизнь, пережив Шуберта на много лет.

Считается, что в Фантазии фа-минор Шуберта – гениальной темы света и тьмы, посвященной графине Каролине Эстерхази, в латинском названии нот, которые как бы перекликаются и обнимают друг друга, скрыты инициалы имен Каролины Эстерхази и Франца Шуберта.

Я пришла на его концерт. Правда, я не взяла в кассе, заказанный им билет, я купила билет сама, да еще почти самый верх. Оттуда он казался мне маленькой точкой. Играл он прекрасно! А как же может быть иначе? Ведь он играл для меня.

Любовь, похожая на сон...

Все чаще мы в своей жизни сталкиваемся, еще несколько лет назад полностью нам неизвестным, киберпространством. Сейчас об этом пространстве говорят все: от юных мальчиков айтишников до президента США. Наверно, человечество, в скором времени, полностью погрузится в его бездну. Это будет уже другой уровень общения, при котором цениться будет только человеческая мысль. Интересно!

Вот встретятся, в этом самом пространстве, две человеческие мысли и что они будут делать? Мыслить? Для этого им не нужен будет телефон, скайп и даже чат в интернете, а уж тем более человек. Они будут летать, двигаться, пронизывать это самое киберпространство, и тем самым рассказывать другим мыслям о себе. Фантастика!

И как же в такой ситуации найти свою вторую половинку? Не зная, не видя человека, не слыша его голоса, выбирать себе вторую половинку, как? Оказывается, все очень просто! Если твоя мысль столкнулась с мыслью, которая мыслит с твоей мыслью унисон – это и есть твоя вторая половинка! Нет, в это очень трудно поверить!

А почему нет? Уже сейчас люди почти перестали встречаться и общаются, в основном, по переписке в интернете, ну, иногда СМС сообщениями. Это произошло так быстро, что, не успев понять и во всем разобраться, мы все просто стали пользователями интернета и все!

Еще совсем недавно для многих людей письма, обычные человеческие письма, были единственной ниточкой, которая выделяла и связывала двух людей среди миллионов жителей нашей планеты. А сейчас? Вот, вдруг, вспомнила, что за сотни километров от меня, где-нибудь в океане на очень маленьком, по мировым меркам, корабле, находится близкий мне человек и пишешь ему: «Дорогой, так хотела тебя поцеловать... Сегодня... Весь день!» и эта письменная мысль летит куда-то, правда, странно – летит в пространство, ее не видно, не слышно, но она летит и попадает к нему. Он улыбается и отвечает: «Люблю и помню!» А ведь его кораблик в тот момент, находился над Марианской впадиной, представляете?

А скоро мы забудем и само слово «письмо», его заменит слово чат, а по-простому болтовня, письменная болтовня в режиме реального времени. Но ведь это письменная болтовня – значит письмо? Но письмо должно быть написано от начала до конца и только потом может быть прочитано. А тут? Совсем не похоже на письмо. Так что же это? Письмо или разговор?

Лично мне трудно это определить. А знаете почему? А потому, что я еще помню письма, обычные человеческие письма!

Какие они бывают, письма? Ну, конечно, деловые или письма друзьям, родным и близким. Кто читает такие письма? Тот, кому они адресованы. А потом? Письма теряются, забываются, но продолжающая жизнь делает новый виток, и появляются новые письма.

Нас с детства учили не читать чужие письма. Даже если и не учили, то, наверно, почти каждый из нас слышал, что чужие письма читать нехорошо.

А письма великих? Их письма можно читать? А письма, написанные очень давно, сто, триста и более лет назад? Вы скажите, ну, это удел историков! Не знаю... Ведь даже триста и более лет назад в переписке были письма личного характера, которые касались, как правило, только двух людей – мужчины и женщины. Их отношения, их трепетные чувства и т.д., и это все теперь через много, много лет может быть доступно людям? Конечно, не я первая и не я последняя задаюсь этим вопросом. Но я есть я, и буду говорить о себе.

Меня это смущает. Ведь то, что писали влюбленные друг в друга люди, в их время было тайной, а в наше стало достоянием всех.

Но та, нежность, который просто пронизаны эти письма, вызывает удивление, восторг и ... зависть.

–Удивление? Зависть? – спросите вы.

Да, я не перестаю удивляться и завидовать (белой завистью, т.е., по-хорошему) тому, как можно было сохранить длительное время высокое чувство влюбленности только по письмам, которые в те давние времена шли к адресату месяцами. Хотя, не забывайте, это письма!

Чтоб ударило воображение влюбленных? Может быть, запах духов любимой, который источал клочок бумаги, на котором написано письмо? Или почерк?

«Неровные буквы истерзали мне сердце...», я не историк, не литературовед, эти строчки попались мне случайно, но у меня защемило сердце – это любовь.

Более чем 200 лет назад, эти строчки написал граф Габриэль Мирабо своей возлюбленной Софии. Это была непродолжительная страница его яркой жизни. Но сколько нежности, заботы и тепла вложил он в каждую строчку своих писем, адресованных Софии.

Я не хочу объяснять, как, почему и что произошло с ними, прочитаете его биографию сами. А лучше просто попросите у него прощения и прочитайте его письма о любви.

Учитывая современные скорости, наш виртуальный роман вспыхнул как искра. Нет! Это слишком банально! У нас все произошло вдруг. Вдруг! Да, именно вдруг!

У нас не было клочков бумаги, исписанных мелким почерком с вензелями, по которым можно оценить и почувствовать за каждой буквой, каждым написанным словом переживания дорогого тебе человека.

В нашей переписке ровные буквы укладывались в стройные, аккуратные строчки на экранах наших смартфонов. На фотографиях у нас были умные глаза, улыбающиеся лица, застывшие позы.

Кстати, психологи всего мира, занимающиеся исследованием виртуальных знакомств, утверждают, что путь от клавиатуры и монитора к близким отношениям, не такой уж стремительный и короткий. Только 5-7 процентов людей, нашедших друг друга через Интернет, вступают со своим собеседником в брак или в интимные отношения, или превращаются в самых близких и верных друзей. А остальные 95 процентов?

Мне кажется, что мы попали в те самые пресловутые 5 процентов, а тот, кто попал в оставшиеся 95, пусть ждут и верят! Верят, что знакомство, даже виртуальное, еще впереди!

– Не удивляйтесь и не смейтесь надо мной! Сначала думал, что надо обратиться к тебе на «ты», но решил, что для первого раза, лучше на «Вы». Но все равно буду на «ты». Ты уже моя. Нашел твою фотографию на facebook. Ты сразу запала мне в душу, но о тебе там нет ничего интересного, ты только иногда ставишь «лайки» под фотками. Поэтому отложил твою страничку в долгий ящик. Но, представляешь, я тебя не забыл. И, вот, со второй моей попытки завести знакомство, ты ответила! Как хорошо я сделал, что вернулся на твою страничку!

«Мы совпали с тобой,
совпали
в день, запомнившийся навсегда
И навечно
совпало с нами
это время календаря»
Роберт Рождественский

Так началось наше знакомство.

– Когда ты прислала мне первую свою фотографию (кроме той, которая на facebook), знаешь, что пришло мне в голову: «Я этого не заслужил!», а вторая мысль была: «Я должен покурить» и третья: «Еще хочу!». Собирай весь архив своих фото, весь, какой есть, за всю жизнь по сегодняшний день! Я пока в себя малость приду, а потом будем разговаривать... Понимаешь, увидев тебя... я захмелел...

Разговаривать? Мы же переписываемся! А как по переписке понять, что надо и в какой момент сказать? И, кто из нас разговорчивый, а кто молчун?

– Знаешь, мне важно, что ты думаешь, а остальное – на втором месте. Имей в виду, если ты болтушка, у меня есть встроенная защита от словесного мусора. Я могу вовремя и точно говорить: «Да, милая; нет, милая; какая жалость, милая; иди поцелую тебя, бедненькая моя... Ну, как-то так».

– А как ты поймешь, что меня надо пожалеть и поцеловать? Ты же меня не видишь и не слышишь. А я? Что я должна? Подумать, представить? И... и поцеловать компьютер?

Конечно, компьютеры скоро заменят нам все. Машины без водителей, самолеты без летчиков и т.п., а люди то где? Они сидят за компьютерами и смартфонами.

Но нам всем так не хватает живого общения, правда? А целовать лучше не холодный экран компьютера, а теплые, мягкие и чувственные губы близкого тебе человека.

– Ты знаешь... я соскучился... Честно!!!! Странно, но мне тебя.....не хватает.... А теперь смейся... ЭТО сочинил я... вчера... для тебя:

Я приближусь... очень близко.

Близко чувствуя дыхание... и прижавшись... очень крепко..., я уменьшу расстояние.

Буду слушать как клокочет... кровь твоя под платьем белом...

Буду видеть... как ты хочешь... разорвать его несмело...»

Вначале я отнеслась к тебе очень насторожено. Сам подумай, а что было делать? Какой-то мужчина, бравый офицер, смелый и отчаянный моряк, которого, может быть, я никогда не услышу и не увижу – судя по тому, что наше знакомство началось и продолжается виртуально, пишет мне замечательные чувственные стихи. Разве такое бывает? Ну, разве, что только виртуально, да, еще и в киберпространстве! А я, как чисто земной человек, во всем сомневаюсь. Это знаешь, как про самолет. Я еще со школы знаю, почему и как летают самолеты (по физике у меня пятерка), но когда вижу этих огромных птиц в небе, каждый раз удивляюсь: как они летают?

– Доброе утро... ручки, ножки... губки! Милая, ты мне сегодня снилась...

– С добрым утром, милый! Да, у меня утро! Я пью кофе, хочешь?

– Хочу! Хочу пить с тобой кофе. А можно «Мишку на севере»?

– Пей из моей чашки. А я люблю конфеты «Мишка косолапый»!

– Подожди... Сейчас доберусь до твоей чашки и, ох, узнаю все твои мысли!

Так, начиналось почти каждое мое утро. Ах, что это было за чудо! Когда ты все успеваешь? И рассчитав все до минут, каждый день пил со мной кофе. Где ты был в это время? Что делал на своем корабле, мой капитан? Радовала ли

тебя погода или там, где ты был шел дождь? А может быть холодок, такой бодрящий холодок, подкрадывался к твоему сердцу, когда твой корабль проходил над самым глубоким местом на нашей земле? Как далеко и как ты близко!

«Не привыкайте к счастью никогда!
Напротив, светлым озарясь гореньем,
Смотрите на любовь свою всегда
С живым и постоянным удивленьем».
Эдуард Асадов

– У нас тоже идет дождь. Ты не промокла, милая?

– Увы. Я опять забыла зонтик, а поэтому промокла и испортила прическу.

– Сейчас выйду и тоже промокну, чтобы сушиться вместе...

– Сушиться вместе? Хочу!

– Представь, что я футболке, а под ней ничего нет. Она намочила, и я начинаю ее снимать.

– Ой, да это, просто, мужской стриптиз!

– Это шутка, милая. Сейчас буду занят. Ох, поцеловать бы тебя, хоть один разочек. Потом поговорим. У нас с тобой впереди много-много времени. Мы будем жить долго и умрём в один день (понимай: одну и ту же дату), но ты – на много-много лет позже, потому что я так велю, а ты уже пообещала мне подчиняться.

«Скользит ладонь от пальчиков до шеи,
Тебе неловко, ты как лист дрожишь,
Так происходит не при каждой встрече,
А лишь когда любовью дорожишь»
Виталий Юрков

И исчезает. Почему? Дела. У них там шторм, там служба, там корабль. Сегодня кибер-пространство явно не на моей стороне. Как я не стараюсь мыслить в направлении Тихого океана, ничего не получается. Мои мысли самые разные и те, которые в голове, и те, которые на смартфоне, почему-то никуда не летят. На смартфоне они просто застыли мелкими строчками и повисли без ответа. А в голове? А в голове – мысли как рой пчел, гудит и мечется во все стороны.

«Я улыбаться перестала,
Морозный ветер губы студит,
Одной надеждой меньше стало,
Одною песней больше будет.
И эту песню я невольно
Отдам за смех и все воспоминанья,
Но знай, что нестерпимо больно
Моей душе твое молчанье»
Анна Ахматова (Я слишком вольно отнеслась к стихам. Простите, простите...)

В Москве обычная погода – дождь и слякоть. И вечером придя с работы, так захотелось теплоты.

«...А ты придешь когда темно, когда в окно ударит вьюга,
Когда припомнишь, как давно, не согревали мы друг друга.
Да, ты придешь, когда темно.
И так захочешь теплоты, не полюбившейся когда-то,
Что переждать не сможешь ты трех человек у автомата.
Вот как захочешь теплоты...»
Вероника Тушнова

Ты почувствовал это? Скажи, ну, скажи, как ты узнал, что мне нужны твои теплые слова, твое участие. Скажи...

– Милая, ты спишь? Поправлю-ка я тебе одеяльце, а сам поработаю, весь день впереди. Не знаю, чем ты меня "забрала", знаю только, что очень нравишься, чем дальше думаю о тебе, тем ты мне дороже... Целую в спящие глазки. Добрых снов и приятного пробуждения ... Спи, милая.

«Дорожите счастьем, дорожите!

Замечайте, радуйтесь, берите
Радуги, рассветы, звёзды глаз –
Это всё для вас, для вас, для вас...»
Эдуард Асадов

Мне категорически не хватало киберпространства для общения. Не скажу, что я сразу пришла к такому выводу, но пришла. Сначала мне захотелось услышать твой голос. Это мне захотелось еще в самом начале нашей переписки. Глядя на твои фотографии и читая твои письма, я пыталась представить твой голос. Высокий, низкий, а может быть самый низкий человеческий голос – бас профундо. Представляешь, как все сложно? Каждое прочитанное слово в твоих письмах я пыталась озвучить.

У тебя оказался очень мужской и надежный голос (нас выручил телефон), достаточно услышать этот голос и сразу понимаешь – все и во всем будет хорошо. Конечно, таким образом, я возложила на тебя колоссальную ответственность перед собой. Не бойся, мой капитан, это ведь только для меня, тебе я об этом не сказала ни слова. Лишь произнесла: «У тебя очень красивый голос!» Это был первый шаг выхода из киберпространства.

Оказывается, что для общения двух людей, даже не людей, а мужчины и женщины, киберпространства явно не хватает, оно просто тесное или лучше сказать мелкое. Капитану, наверно, понятнее последнее.

– Я еду в отпуск. Через два дня я вылетаю из Южно-Сахалинска. Я лечу через Москву, буду в Шереметьево в три часа утра, а в пять улетаю в свой Севастополь. Я рад, что хоть два часа, но буду с тобой вместе дышать одним с тобой воздухом в твоём городе.

– В отпуск? В Севастополь? В Москве?

– Ну, да. Я смутил тебе? Не волнуйся, я просто буду тебе сниться всю эту ночь. Тебе будет сниться наша встреча. Представь:

«У тебя в руке бокал вина... Ты пьешь его мелкими глотками...

Я наклоняюсь и целую твою руку. Ты улыбаешься и своей маленькой ладошкой дотрагиваешься до моей щеки...»

«...И для нее сегодня
Мир был сплошь из музыки и звёзд!»
Эдуард Асадов

Ты будешь в Москве! Что же мне делать? У меня есть шанс – сделать второй шаг на пути выхода из киберпространства!

Я стала думать, волноваться и собираться. Как, когда и в чем тебя встречать. Ты, скорее всего, не рассчитывал на то, что я тебя встречу. А вообще-то, я заменила, что ты свободно можешь жить в своих мыслях или, если говорить современными терминами, то, в киберпространстве. Для тебя это как океан, необъятный океан, который ты пытаешься покорить, и тебе его хватает. Ведь ты моряк и океан, как я понимаю, любой океан, для тебя просто родная стихия и тебе больше ничего не надо, только бы идти вперед к голубым горизонтам, туда, где сливается море с небесами, а, уж, в каком океане – это мелочи.

Но в глубине души, ты думал о нашей встрече? Да? Наверняка!

Шереметьево – самый ужасный аэропорт, нет, сам аэропорт – очень даже ничего, а вот дорога к нему – сплошные пробки. Я так волновалась, когда ехала на своей маленькой машинке в аэропорт. Ночью должны все спать, а на самом деле по МКАД ночью мчатся фуры сплошным

потоком. Я никак не могла перестроиться в правый ряд – застряла между этими фурами, а они, скорее всего, просто не замечали мою маленькую черную машинку. А если и видели, то удивлялись тому, что такая, явно женская машинка, делает ночью, в темноте, под дождем и снегом на МКАД, да еще и собирается куда-то поворачивать. А мне надо на Ленинградку, ну, как вы не понимаете, я могу опоздать, мой капитан будет ждать меня. У него всего два часа! Пустите!

Они услышали! Фура справа притормозила, и я повернула к аэропорту.

Пока нашла терминал, припарковалась, то, да, се – уже почти три часа. Распахнув шубку, я бежала по переходам внутри аэропорта, ругая пробки на МКАД, а себя за поздний выезд из дома и каблуки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.